

Загитова Мадина Рустемовна,
Студентка факультета гуманитарного образования, гр. 6196,
ФБГОУ ВО СПбГМУ

Научный руководитель:
Свиридонова Татьяна Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского и коммерческого права,
ФБГОУ ВО СПбГМУ

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ИНСТИТУТ АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЫ: АНАЛИЗ НОРМ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И НАПРАВЛЕНИЕ ЕГО МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется влияние цифровых технологий на институт адвокатской тайны в российском праве. Автор анализирует действующее законодательство, выявляет пробелы и коллизии, а также предлагает направления модернизации правового регулирования с учётом современных технологических реалий.

Ключевые слова: Адвокатская тайна, цифровые технологии, цифровизация адвокатской деятельности, конфиденциальность, оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ), электронные коммуникации.

Стремительное развитие цифровых технологий оказывает глубокое преобразующее воздействие на все сферы общественной жизни, включая правовую. Институт адвокатской тайны – один из фундаментальных принципов адвокатской деятельности, обеспечивающий эффективность правовой помощи и реализацию конституционного права на защиту, – не является исключением. Трансформация коммуникационной среды, переход к электронному документообороту, широкое использование облачных хранилищ, мессенджеров, систем искусственного интеллекта ставят перед правоведами и практикующими юристами принципиально новые вопросы о пределах адвокатской тайны в цифровом пространстве.

Адвокатская тайна в традиционном понимании охватывает круг сведений, которые адвокат получает от доверителя в связи с оказанием ему юридической помощи. Однако цифровая среда порождает новые формы хранения и передачи конфиденциальной информации, создаёт технические возможности для несанкционированного доступа к ней, а также обуславливает появление новых субъектов – операторов телекоммуникационных услуг, провайдеров облачных сервисов, разработчиков программного обеспечения, – которые объективно могут располагать сведениями, составляющими адвокатскую тайну.

Актуальность исследования определяется тем, что российское законодательство, регулирующее адвокатскую деятельность, формировалось в принципиально иных технологических условиях и не отражает в полной мере реалий цифровой эпохи. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» закрепляет основы института адвокатской тайны, однако не содержит специальных норм, регулирующих защиту конфиденциальной информации в цифровой среде. Это порождает правовые пробелы, которые создают риски нарушения прав доверителей и подрывают доверие к адвокатуре как институту гражданского общества.

Цель настоящего исследования – провести комплексный анализ норм российского законодательства в части регулирования адвокатской тайны в условиях цифровизации и выработать обоснованные предложения по его модернизации. Для достижения указанной цели

необходимо: исследовать правовую природу и содержание института адвокатской тайны; выявить особенности его функционирования в цифровой среде; проанализировать имеющиеся правовые пробелы и коллизии; изучить зарубежный опыт; сформулировать направления совершенствования законодательства.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере защиты адвокатской тайны в условиях применения цифровых технологий. Предмет исследования составляют нормы российского законодательства, регулирующие институт адвокатской тайны, правоприменительная практика, а также научные концепции, относящиеся к рассматриваемой проблематике.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход, логический метод) и специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой). Формально-юридический метод применялся при анализе норм действующего законодательства и их толковании. Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении российского и зарубежного опыта регулирования адвокатской тайны в цифровой среде.

Теоретической базой исследования послужили труды ведущих российских учёных в области теории права, конституционного права, уголовного процесса и адвокатуры: Е.В. Васьковского, М.С. Строговича, В.И. Сергеева, Г.Б. Мирзоева, А.Д. Бойкова, Н.А. Колоколова, а также работы в области информационного права и права в цифровую эпоху: И.Л. Бачило, В.Б. Наумова, М.А. Рожковой.

Правовая природа и содержание адвокатской тайны по российскому законодательству

Адвокатская тайна относится к числу охраняемых законом тайн и занимает особое место в системе профессиональных тайн. Её правовая природа обусловлена конституционными основаниями: согласно статье 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Эффективная реализация данного права предполагает наличие у обращающегося за помощью лица уверенности в том, что сообщённые им адвокату сведения останутся конфиденциальными.

Статья 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определяет адвокатскую тайну как любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. При этом закон устанавливает запрет на разглашение таких сведений без согласия доверителя, а также ряд процессуальных гарантий: запрет допроса адвоката в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением за юридической помощью; особый порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката.

Содержание адвокатской тайны охватывает широкий круг сведений: факт обращения доверителя к адвокату; содержание консультаций, советов и разъяснений; сведения о личности доверителя; условия соглашения об оказании юридической помощи; любые документы и материалы, переданные адвокату доверителем; а также иные сведения, ставшие адвокату известными в связи с исполнением профессиональных обязанностей. Кодекс профессиональной этики адвоката дополняет данный перечень, указывая, что адвокатской тайной охватываются и сведения о доверителе, ставшие известными в ходе переговоров до заключения соглашения об оказании юридической помощи.

Важной характеристикой адвокатской тайны является её бессрочность: обязательство хранить тайну не ограничено временем окончания ведения дела. Адвокат обязан соблюдать тайну вне зависимости от того, принято ли было поручение, а также после того, как соглашение об оказании юридической помощи прекращено. Данный принцип представляется особенно

значимым применительно к цифровой среде, поскольку информация в электронной форме может сохраняться и быть доступна значительно дольше, чем традиционные бумажные документы.

Цифровая среда как фактор трансформации института адвокатской тайны

Цифровизация адвокатской деятельности охватывает несколько взаимосвязанных аспектов. Во-первых, коммуникации между адвокатом и доверителем всё в большей мере осуществляются с применением цифровых технологий: электронной почты, мессенджеров, видеоконференц-связи. Во-вторых, документы, составляющие существо дела, создаются, обрабатываются и хранятся преимущественно в электронном виде. В-третьих, профессиональная деятельность адвокатов поддерживается специализированными программными решениями: системами управления делами (case management), правовыми базами данных, инструментами автоматического анализа документов.

Применение цифровых технологий порождает ряд принципиально новых угроз для адвокатской тайны. Первая группа угроз связана с несанкционированным доступом к электронным данным: взломом защиты устройств и учётных записей, перехватом передаваемых данных, атаками с использованием вредоносного программного обеспечения. Вторая группа угроз обусловлена особенностями функционирования цифровых сервисов: операторы облачных хранилищ, мессенджеров и иных сервисов в силу технической необходимости имеют потенциальный доступ к хранящейся и передаваемой информации. Третья группа угроз возникает в связи с государственным регулированием в сфере оперативно-розыскной деятельности и обеспечения безопасности.

Особую проблему представляет система СОПМ (Система оперативно-розыскных мероприятий), обязывающая операторов связи устанавливать оборудование для обеспечения возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» предоставляет компетентным органам право получать доступ к сообщениям, передаваемым по каналам связи. При этом закон устанавливает судебный контроль за проведением данных мероприятий, однако специальных норм, защищающих переписку адвоката с доверителем от перехвата в рамках СОПМ, не содержит.

Не менее острой является проблема использования адвокатами иностранных облачных сервисов и мессенджеров. Значительная часть популярных в профессиональной среде инструментов – Google Workspace, Microsoft 365, Zoom – является продуктами иностранных компаний, которые потенциально могут быть обязаны раскрывать информацию по требованию иностранных правоохранительных органов. Российское законодательство не содержит прямых норм, ограничивающих или регулирующих использование адвокатами иностранных облачных сервисов с точки зрения защиты адвокатской тайны.

Отдельного рассмотрения заслуживает применение в адвокатской практике технологий искусственного интеллекта. Системы автоматического анализа правовых документов, генерации процессуальных текстов, прогнозирования исходов дел уже активно используются рядом адвокатских образований. Обращение к таким системам неизбежно предполагает передачу им сведений, составляющих адвокатскую тайну. Правовой режим такой передачи, ответственность разработчиков и операторов систем искусственного интеллекта за обеспечение конфиденциальности – вопросы, которые действующее российское законодательство не решает.

Анализ действующего законодательства: пробелы и коллизии

Действующее российское законодательство в части регулирования адвокатской тайны применительно к цифровой среде страдает рядом существенных недостатков. Первый и наиболее значимый из них – отсутствие в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» норм, прямо регулирующих защиту адвокатской тайны при использовании

электронных коммуникаций и цифровых технологий. Статья 8 закона, закрепляющая понятие и гарантии адвокатской тайны, была принята в 2002 году и не претерпела существенных изменений, отражающих цифровую трансформацию.

Второй проблемой является коллизия между нормами об адвокатской тайне и требованиями законодательства об оперативно-розыскной деятельности. Согласно части 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности» проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката допускается только на основании судебного решения. Вместе с тем применительно к перехвату электронных сообщений в рамках СОПМ судебное решение выносится без уведомления адвоката и нередко не содержит указания на то, что объектом перехвата является адвокатская переписка. На практике это ведёт к тому, что перехваченные в рамках СОПМ сведения, составляющие адвокатскую тайну, могут быть использованы следствием в качестве оперативной информации.

Третья проблема связана с неопределённостью правового режима электронных носителей информации, изъятых в ходе обысков в адвокатских образованиях. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 17 декабря 2015 г. № 33-П констатировал, что изъятие у адвоката материалов и документов недопустимо, если это связано с преодолением адвокатской тайны. Однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что при проведении обысков в адвокатских образованиях нередко изымаются электронные носители – ноутбуки, смартфоны, флеш-накопители, – содержащие массивы данных, значительная часть которых относится к адвокатской тайне. Механизм исключения таких сведений из дальнейшего использования законом не урегулирован.

Четвёртым существенным пробелом является отсутствие требований к техническим средствам защиты информации, составляющей адвокатскую тайну. Кодекс профессиональной этики адвоката содержит общее предписание принимать необходимые меры к соблюдению тайны [2], однако конкретные технические требования – шифрование, двухфакторная аутентификация, порядок хранения и уничтожения электронных данных – ни законодательством, ни корпоративными актами адвокатского сообщества не установлены. Это создаёт правовую неопределённость как для адвокатов, так и для правоприменительных органов.

Пятая проблема – отсутствие правовых норм, устанавливающих ответственность третьих лиц (операторов связи, провайдеров облачных сервисов, разработчиков программного обеспечения) за нарушение адвокатской тайны. Действующая редакция статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности» возлагает обязанность хранить тайну исключительно на адвоката. Субъекты, технически обеспечивающие коммуникации адвоката с доверителем, в рамках данной нормы не несут никаких обязательств по обеспечению конфиденциальности адвокатской переписки.

Зарубежный опыт регулирования адвокатской тайны в цифровой среде

Правовые системы ряда зарубежных государств предлагают интересные решения проблем, возникающих при применении цифровых технологий в адвокатской практике. Анализ зарубежного опыта позволяет выявить апробированные подходы, которые могут быть адаптированы к российским условиям.

В США доктрина привилегированных коммуникаций адвоката с клиентом (*attorney-client privilege*), составляющая аналог адвокатской тайны, получила обширное судебное толкование применительно к цифровой среде. Суды последовательно распространяют действие привилегии на электронную переписку, при условии, что стороны принимали разумные меры для обеспечения её конфиденциальности. Американская ассоциация адвокатов (АВА) приняла ряд заключений, уточняющих требования к технической защите клиентской информации. Заключение АВА 477R устанавливает, что адвокаты обязаны

применять разумные меры технической защиты при использовании облачных сервисов для хранения конфиденциальной информации.

В государствах – членах Европейского союза защита адвокатской тайны в цифровой среде осуществляется в том числе посредством законодательства о защите персональных данных. Общий регламент о защите данных (GDPR) содержит специальные нормы об обработке персональных данных в профессиональных целях, включая адвокатскую деятельность. Ряд государств – Германия, Нидерланды, Австрия – закрепил в национальном праве прямые запреты на перехват коммуникаций между адвокатом и клиентом в рамках оперативно-розыскных мероприятий. Практика Европейского суда по правам человека также последовательно защищает привилегированный характер переписки адвоката с клиентом.

В Великобритании Bar Standards Board (регулятор адвокатуры) разработал детальные рекомендации по безопасному использованию технологий в адвокатской практике, включая требования к выбору провайдеров облачных услуг, шифрованию передаваемых данных и реагированию на инциденты утечки информации. Примечательно, что данные рекомендации рассматривают выбор технических средств защиты как элемент профессиональной компетентности адвоката.

Показателен также опыт Израиля, где в 2018 году были приняты поправки к Закону об адвокатуре, прямо запрещающие сбор сведений об отношениях адвоката с клиентом с использованием технических средств перехвата информации. Закон устанавливает уголовную ответственность за нарушение данного запрета применительно к любым формам электронных коммуникаций.

Результаты анализа и их обсуждение

Проведённый анализ позволяет констатировать, что российское законодательство об адвокатуре существенно отстаёт от технологических реалий и не обеспечивает надлежащую защиту адвокатской тайны в условиях цифровизации. Данный вывод подтверждается как анализом действующих норм, так и правоприменительной практикой, свидетельствующей о систематических нарушениях адвокатской тайны при проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств.

Вместе с тем следует признать, что проблема адвокатской тайны в цифровой среде не может быть решена путём внесения единичных поправок в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности». Речь идёт о комплексной проблеме, требующей координированных изменений в ряде отраслей законодательства: адвокатском, процессуальном, информационном, законодательстве об оперативно-розыскной деятельности.

Концептуально важным является вопрос о том, должна ли защита адвокатской тайны в цифровой среде строиться по модели абсолютного запрета или же по модели регулируемого исключения. Первая модель предполагает безусловный запрет перехвата коммуникаций между адвокатом и доверителем. Вторая модель допускает ограничения адвокатской тайны в исключительных случаях при соблюдении строгих процессуальных гарантий. Представляется, что российская правовая традиция тяготеет ко второй модели; при этом ключевым является обеспечение реальной, а не формальной судебной проверки необходимости и соразмерности ограничений.

Существенное значение имеет и вопрос о субъектах обязательств по защите адвокатской тайны в цифровой среде. Как показал анализ, действующее законодательство возлагает соответствующие обязанности исключительно на адвоката, оставляя за скобками операторов связи и провайдеров цифровых услуг. Представляется, что в условиях цифровой экономики данный подход является недостаточным: поставщики технических решений, обеспечивающих коммуникации адвоката с доверителем, должны нести самостоятельную ответственность за соблюдение конфиденциальности.

Вопрос технических стандартов защиты информации, составляющей адвокатскую тайну, также требует нормативного урегулирования. Опыт зарубежных юрисдикций свидетельствует о том, что такие стандарты могут разрабатываться как государственными регуляторами, так и органами самоуправления адвокатского сообщества. В российских условиях наиболее приемлемой представляется модель, при которой государство устанавливает минимальные требования безопасности, тогда как Федеральная палата адвокатов разрабатывает детальные профессиональные стандарты.

Направления модернизации законодательства

На основе проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие направления модернизации российского законодательства в части регулирования адвокатской тайны в цифровой среде.

Первое направление – совершенствование Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Статья 8 закона должна быть дополнена нормами, прямо распространяющими режим адвокатской тайны на электронные коммуникации между адвокатом и доверителем, независимо от используемых технических средств. Необходимо законодательно закрепить, что сведения, составляющие адвокатскую тайну, не могут быть получены в рамках оперативно-розыскных мероприятий, направленных против третьих лиц, если при этом перехватываются коммуникации адвоката с доверителем. Данное предложение корреспондирует со сложившейся в ряде зарубежных юрисдикций практикой установления запрета на использование случайно перехваченных привилегированных коммуникаций.

Второе направление – внесение изменений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Представляется необходимым прямо закрепить, что судебное решение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих коммуникации адвоката, должно содержать специальное указание об этом и предусматривать механизм немедленного уничтожения случайно перехваченных адвокатских материалов. Следует также ввести норму, обязывающую орган, проводящий оперативно-розыскные мероприятия, незамедлительно уведомлять суд, выдавший разрешение, об обнаружении в ходе мероприятия сведений, составляющих адвокатскую тайну.

Третье направление – разработка специальных норм, регулирующих обращение с электронными носителями информации, изъятыми в адвокатских образованиях в ходе обысков. Следует законодательно закрепить обязательность участия представителя адвокатской палаты при проведении обысков в адвокатских образованиях с правом заявлять возражения относительно изъятия конкретных электронных носителей. Представляется также целесообразным ввести обязательную процедуру независимой проверки содержимого изъятых носителей на предмет наличия в нём сведений, составляющих адвокатскую тайну, до передачи этих данных следствию.

Четвёртое направление – совершенствование Кодекса профессиональной этики адвоката в части установления конкретных требований к технической защите адвокатской тайны. Необходимо закрепить обязанность адвоката применять средства шифрования при передаче и хранении сведений, составляющих адвокатскую тайну; устанавливать надлежащие меры защиты при доступе к адвокатским материалам через облачные сервисы; проводить оценку рисков при выборе технических средств для коммуникаций с доверителем. Данные требования должны быть разработаны с учётом современных стандартов информационной безопасности и периодически актуализироваться Советом Федеральной палаты адвокатов.

Пятое направление – введение обязательств для операторов связи и провайдеров цифровых услуг по соблюдению конфиденциальности адвокатских коммуникаций. В Федеральном законе «О связи» следует предусмотреть специальную норму, обязывающую

операторов связи обеспечивать конфиденциальность коммуникаций между адвокатом и доверителем в порядке, сопоставимом с режимом тайны связи. Соответствующие обязательства должны распространяться и на иностранных поставщиков цифровых услуг, осуществляющих деятельность на российском рынке.

Шестое направление – создание безопасной цифровой инфраструктуры для адвокатского сообщества. Рассмотреть возможность создания под эгидой Федеральной палаты адвокатов защищённой корпоративной цифровой среды для адвокатов: защищённого мессенджера, почтового сервиса и системы управления делами, работающих на серверах, расположенных в России и защищённых от несанкционированного доступа. Данная модель применяется в ряде европейских стран и позволяет обеспечить технический суверенитет адвокатского сообщества в цифровой среде.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Институт адвокатской тайны в российском праве характеризуется рядом существенных пробелов применительно к цифровой среде, которые не позволяют обеспечить его эффективное функционирование в условиях современной цифровой экономики. Действующее законодательство, разработанное в принципиально иных технологических условиях, не содержит норм, прямо регулирующих защиту конфиденциальных коммуникаций адвоката с доверителем в цифровой форме.

Модернизация правового регулирования адвокатской тайны применительно к цифровой среде должна носить системный характер и охватывать одновременно несколько отраслей законодательства: адвокатское, законодательство об оперативно-розыскной деятельности, информационное законодательство, законодательство о связи. Ключевыми направлениями совершенствования являются: прямое распространение режима адвокатской тайны на электронные коммуникации; установление эффективных гарантий от перехвата адвокатских коммуникаций в ходе оперативно-розыскных мероприятий; определение требований к технической защите сведений, составляющих адвокатскую тайну; расширение круга субъектов, несущих обязательства по её охране.

Реализация предложенных направлений модернизации законодательства позволит привести российское право в соответствие со стандартами, выработанными в ведущих зарубежных юрисдикциях, и обеспечит надлежащую защиту конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи в условиях цифрового общества. Одновременно необходима активная позиция органов самоуправления адвокатского сообщества – прежде всего Федеральной палаты адвокатов – в разработке профессиональных стандартов применения цифровых технологий.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учётом поправок, внесённых Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ). М.: Эксмо, 2023. 64 с.
2. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года (с изм. и доп.). М.: Федеральная палата адвокатов, 2022. 48 с.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.
4. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

5. По делу о проверке конституционности статьи 7, частей 1 и 4 статьи 29, части 2 статьи 96 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 1 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 33-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. 2). Ст. 221.
6. Бойков А.Д. Адвокатура России: учебное пособие. 3-е изд. М.: Городец, 2019. 352 с.
7. Мирзоев Г.Б. Адвокатура и государство: партнёры или оппоненты? // Адвокат. 2021. № 3. С. 5–14.
8. Наумов В.Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. М.: Книжный дом «Университет», 2018. 432 с.
9. Рожкова М.А. Право в сфере интернета: сборник статей. М.: Статут, 2020. 528 с.
10. Сергеев В.И. Адвокатская тайна: теоретические и практические проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 4. С. 67–81.
11. Шаров Г.К. Цифровая трансформация адвокатуры: вызовы и перспективы // Адвокатская практика. 2022. № 5. С. 3–11.
12. Boon A., Levin J. The Ethics and Conduct of Lawyers in England and Wales. 4th ed. Oxford: Hart Publishing, 2021. 496 p.
13. Model Rules of Professional Conduct / American Bar Association. Washington: ABA, 2023. 128 p.
14. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. P. 1–88.
15. ABA Formal Opinion 477R: Securing Communication of Protected Client Information. Washington: American Bar Association, 2017 [Электронный ресурс]. URL: www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/professional_responsibility/aba_formal_opinion_477.pdf.

